

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Формируется ли глобальная идентичность: методологические размышления*

Н. Н. ФЕДотова

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ)

Статья посвящена анализу перспектив формирования глобальной идентичности, определению границ такой перспективы и зависимости глобальной идентичности от локальных культур. Показана специфика современного процесса формирования идентичности.

Ключевые слова: автономия, самость, индивидуальная идентичность, коллективная идентичность, противоречия идентичности, национальная идентичность, глобальная идентичность, локальные культуры.

Поставленный в заголовке статьи вопрос кажется преждевременным до тех пор, пока мы не обнаруживаем сходные зависимости в отношении культур, которые существуют в конкретном вполне гомогенном обществе, соотношения культур мигрантов с культурой преобладающей группы населения, различий региональных культур одного этноса. Тогда связь этого внутреннего многообразия обществ как территориальных национально-государственных образований с проблемой глобальной идентичности становится методологически более ясной, чем представляется сегодня.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социальные науки изучают человеческую индивидуальность, игнорируя внеученные способы изучения, которые свойственны литературе и философии. Об этом пишет известный немецкий социолог П. Вагнер: «...они

склонны смотреть на эту проблему с точки зрения полностью развитой, стабильной персональной идентичности вместо того, чтобы изучать вопросы о преемственности и целостности личности. Такое видение вряд ли можно понять иначе, чем посредством предполагаемой потребности утверждать онтологическую стабильность мира, которая позволила бы существовать социальным наукам, и ожидать политическую стабильность мира на основе предполагаемой согласованности человеческих ориентаций и действий» (Wagner, 2001: 2). Речь идет, таким образом, о том, что онтологическая стабильность отсутствует, особенно в наше время, а личность утверждает свою идентичность, делая ее непрерывной и связывая себя с проблемами, открытыми для обсуждения.

Вагнер показывает, что интерес к вопросам идентичности пробудили работы З. Фрейда и Ф. Ницше, в которых индивид отделен от регуляторов коллективной жизни (Ницше)

* Статья публикуется при поддержке РГНФ (проект «Процессуальный характер идентичности: факторы изменения», № 11-03-00330).

и обозначена сущность культуры как репрессирующая индивидуальные устремления человека (Фрейд). Им противостояли исследования Дж. Мида и Г. Зиммеля, предложивших рассматривать различные взаимодействующие контексты формирования личности (там же: 61).

Термин «идентичность» сопряжен с терминами «самость» и «автономия». Под самостью понимают специфические сущностные свойства индивида, которые характеризуют его индивидуальность. Исследование самости — в большей мере предмет социальной психологии. В условиях онтологической стабильности традиционного общества идентичность и самость могут быть тождественны. Но когда идентичность трактуется процессуально и формируется в ходе решения все новых и новых проблем, непрерывности процесса изменения себя, не теряя себя, самость выступает скорее как исходная психосоциальная характеристика, а идентичность — как ее разворачивание и развитие в меняющихся социокультурных обстоятельствах. Сегодня термины «личность» (самость) и «идентичность» часто используются как синонимы, хотя идентичность в большей степени показывает существование целостности и тождественности с самим собой на протяжении времени: «Идентичность в современных социальных науках означает преемственность самости...» (там же: 62).

Говорить о глобальной идентичности сегодня очень трудно, так как устоявшимися являются две группы терминов — относящиеся к индивиду, личности или коллективу. Термины «самоидентичность» или «персональная идентичность» характеризуют осознание человеком продолжительности своего существования и определенной согласованности собственной персоны. Э. Эриксон назвал это «субъективным смыслом продолжающегося существования и согласованной памяти»¹. Внимание к непрерывности, целостности, преемственности, последовательности, связности и согласованности идентичности соответствует ее пониманию как процесса и характеризует модернистскую позицию, в отличие от традиционалистской, видящей в идентичности неизмен-

ную данность и не интересующейся в силу этого проблемой идентичности. Собственно, в традиционном обществе такой проблемы и не существует. Персональная идентичность модернизирующегося или модернизированного общества характеризует личность как автономную и действующую. Рациональный, автономный, ответственный и действующий индивид — продукт современного общества (модернити) и его характеристика.

Термины «социальная идентичность» или «коллективная идентичность» характеризуют принадлежность к группе похожих людей. Здесь подчеркивается значение идентичности для идентификации с другими людьми. По мнению некоторых исследователей, подобное разделение между самоидентичностью и социальной или коллективной идентичностью затрудняет понимание взаимоотношений этих двух видов идентичности, поскольку обе они являются социальными (там же: 63). Такое же затруднение возникнет при определении глобальной идентичности, так как в условиях глобализации и индивидуальное, и социальное несут в себе черты глобального. Глобальное видится прежде всего как целостное, но не является гомогенным. Оно объединяет гомогенность, включенность мира в этот процесс, и локальность культур, которая не устраняется глобализацией; вместе они создают особую форму ее существования, названную английским социологом Р. Робертсоном глокальностью (единством глобального и локального), а российским социологом С. А. Кравченко — «глоболокальностью» (Robertson, 1995; Кравченко, 2007).

По мнению Вагнера, представления о социуме как о культурно-лингвистической гомогенности, характеризующей общества как национальное государство, были спорны всегда и, тем более, не подтверждаются сегодня (Wagner, 2001: 65). Более перспективной ему представляется новая концепция «культурной сложности» У. Ганнерса, согласно которой признается возможность сосуществования разных культур и их модификаций на одной территории (Hannerz, 1992). И наоборот, сегодня признается, что культуры могут распространяться далеко за пределы сообществ, в ко-

торых они возникли, не подавляя другие культуры и не доминируя над ними. Ранее такое считалось невозможным применительно к национальным культурам. В пример Вагнер приводит еврейскую культуру или культуру науки. Он также показывает, что даже архаическая культура, например культура туземцев с острова Самоа, анализируется как «мульти-локальная», т. е. имеющая единство и различие. Сходной позиции придерживается С. Бенхабиб, показавшая, что, говоря о локальной культуре, мы предполагаем гомогенность, но даже при рассмотрении мононациональных обществ приходится учитывать региональные культурные различия (Бенхабиб, 2003), что, в сущности, схоже с глоболокальностью. Сегодня же изучается пространственное распространение локальных культур посредством миграции, а также устойчивость примордиальных связей, которые позволяют группе мигрантов сохранять свою этнокультурную или этнонациональную идентичность за рубежом. По мнению Вагнера, некоторые частичные идентичности, существующие в пределах территориально ограниченных обществ, прямо или косвенно анализируются в их отношении к гегемонии идентичности групп этого общества. Например, термин «этническая идентичность» используется главным образом для изучения меньшинств, таких как афроамериканцы в США. Подобный подход применяется и в отношении гендерной идентичности, где анализу подвергается женская идентичность в обществе, где доминируют мужчины. Отсюда следует вывод, что «идентичность становится релевантной в тех условиях, когда устанавливаются границы и проводятся исключения, и в связи с этим она тематизируется маргинальными или исключенными группами» в большей мере, чем основными группами коренного населения, в особенности если они представляют собой преобладающее большинство, «склонное к универсалистской аргументации, в которой нет места партикулярности» (Wagner, 2001: 66).

Вагнер показывает процессуальность самого дискурса о культуре, а не только процессуальность идентичности: «Если свести воедино все эти модификации классической концепции

культуры и культурной идентичности, то они подрывают исходный посыл дискурса значения, который был свойственен поиску конституирующих идентичность общностей. Предполагалось, что подобные общности были коллективными по своей сути и предшествовали индивидуальности. В рамках этого подхода человек интересен только тем, что у него общего с другими людьми. Этот дискурс претерпевает такие изменения, которые устраняют из него понятия как об общности, так и о коллективности. Они вытесняются взаимопересекающимися границами и исключениями, возникающими внутри и между дискурсивно конституированными множествами людей. Подчеркиваются различия, а не общности с другими. В результате может быть отвергнута эта форма аргументации, описывающая как самость, так и идентичность» (там же: 66).

Полагаем, что эти методологические размышления имеют прямое отношение к обсуждению проблем глобальной культуры и глобальной идентичности, ибо в них соединены гомогенность с фрагментарностью, универсальность с партикулярностью, доминирование с подчиненностью и маргинальностью, подобно тому как нам предстоит соединить глобальное с локальным.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Говорить об идентичности и о ее кризисе можно только применительно к современности, поскольку «если модернизируется отрицанием всех определенностей, превалянием принципиального скептицизма и сомнения в чем-либо знании мира, тогда немедленно возникает требование подвергнуть сомнению чье-либо место в мире и стабильность «Я» и, следовательно, также проблему идентичности» (там же: 67), считает Вагнер, ссылаясь на Э. Гидденса. Модернити определяется как ситуация, в которой преобладает мнение, что люди должны сами конструировать свою идентичность. Формирование идентичности и кризисы идентичности являются спецификой модернизи, а не ее негативным следствием. При этом первая либеральная современность (Wagner, 1994) еще не ставила подобных условий, поскольку в ней формирова-

лась классическая научность, исходящая из представлений об онтологической устойчивости, и это отвечало до определенной степени состоянию обществ и устойчивости протекающих в них процессов. Социальные изменения второй половины XIX в. — индустриализация, урбанизация, осознание социальных проблем пока вписывалось в классическое понимание истины. По мере развития массового общества в первой половине XX в. возникает вопрос о взаимоотношениях между индивидуализацией и ростом личности. Это — вторая организованная современность (там же) для которой характерен отход от первого либерального модерна, социал-демократия и технократия, переход к неклассической концепции научности, при котором субъект познания воспринимается как действующий, а не просто отражающий реальность субъект. «Впервые социологические дискурсы идентичности синхронизируются с социетальными процессами» (Wagner, 2001: 68).

Вопрос об идентичности не вставал на повестку дня классической социологии до начала XX в., поскольку социологи считали, что люди определяются социальными структурами, которые они сами не в силах изменить. Ситуацию изменил Дж. Г. Мид, который разработал теорию самости, социализации, идентичности.

В западных обществах социологи сегодня опять начали активно заниматься идентичностью в связи с распадом социальных институтов, государства социального благоденствия (там же: 68), появлением глобализации. Сначала кризис второй современности, который исходил из предположения о конце эпохи модерна, ее замене постмодерном, затем неомодернизм социалистических стран, пытавшихся вернуться к либеральной современности XIX в., далее устойчивый, хотя недавно начавшийся, третий модерн, подключивший незападные страны к модернизации на основе собственной культурной идентичности (Федотова В., Колпаков, Федотова Н., 2008), — стали питательной средой для развития постнеклассической научности, включившей в познание не только познающих субъектов, но и субъектов практики, ощутивших нелинейность

и турбулентность социальных процессов, риск и онтологическую неустойчивость. Эта новая социальность и привела к рассмотрению идентичности как процесса. При этом возникают новые теории личности, не вписывающиеся в приятые прежде теории идентичности: «Не непрерывность и связь, а мимолетность, нестабильность и склонность к изменению считаются признаками значимых жизненных ориентаций людей. Некоторое раздражение вызывает тот факт, что такие ориентации называются «идентичностями», несмотря на нелогичность этимологии этого термина» (Wagner, 2001: 68). Однако для постнеклассического процессуального понимания идентичности это вполне логично. На наш взгляд, однако, это подрывает убеждение в том, что в любом типе современности идентичность обеспечивает автономию индивида, в связи с тем что в XX в., особенно во второй его половине, произошел переход к массовому индивиду, к обществу масс.

Идентичность стала пониматься, скорее, как выбор, чем как судьба, или, точнее, судьба превратилась в выбор, который сознательно или бессознательно совершает человек. В современном обществе люди выбирают персональную идентичность, а в традиционном обществе даже не знают о такой проблеме, поскольку их жизнь социально детерминирована сообществами «жизни и судьбы» (Ваушан, 2004: 11). Это же справедливо в отношении коллективной идентичности: естественные маркеры сообществ, такие как цвет кожи, пол, язык, могут быть отделены от тех, которые создаются и постоянно заново конструируются, как, например, политическая нация. Подобные различия не устранены ни из дискурса социальных наук, ни из политических дебатов, ни из дискурса идентичности. Противоречия между натуралистически-эссенциалистскими ее трактовками и конструктивистскими являются очень напряженными, толкая то к природным, то к конструируемым человеком факторам и слабо находя баланс. По крайней мере, можно сказать, что сегодня экологические проблемы слегка повернули маятник понимания идентичности назад — в сторону сочетания конструктивистских подходов с природ-

ными. «Модернистское понимание идентичности, которая направлена на способность к действию, не признает сильную укорененность индивидов в физические или социальные контексты. Иначе действие в этом “современном” смысле стало бы невозможным» (Wagner, 2001: 73). Но дискурс модерни не может предоставить сам по себе средства для эмпирической проверки, так как автономия не может быть эмпирически проверена из-за ее включенности в целостность контекстуальных факторов.

В последние три десятилетия возникли исследования, в которых идентичность модерни конструировалась на основе подчеркивания различий. «“Современный мужчина” стремился дистанцироваться от разных форм инаковости — природы, дикости и традиции за пределами своего собственного социального мира и от нижестоящих, опасных классов, женщин и сумасшедших внутри этого мира» (там же: 73). В такой критической перспективе становятся видны отношения доминирования. В отличие от нас Вагнер считает, что автономия в массовых обществах сохраняется и становится возможной только посредством обозначения асимметричных различий и посредством установки границ и исключения других. Поэтому постколониальные, феминистические и прочие дискуссии, которые фокусируются на отношениях доминирования, подчеркивают создание различий. Исходно эта ориентация направлена на конструирование контридентичностей, но в последнее время эта фундаментальная проблематика взаимосвязи между идентичностью и различиями вышла на первый план. Для изучения глобальной идентичности она тоже имеет огромное значение, так как признание недоминирующих групп или стран осуществляется посредством поиска и демонстрации различий, которые могут привлечь внимание и вызвать интерес, войти в глобальную культуру. Так, горловое пение тувинцев и магический реализм их спектакля о тувинских и американских студентах, искавших могилу Чингисхана, привлекло Нью-Йорк так же, как танцоры из Сибири. «Идентичность здесь представляет собой дискурсивный знак для возможности дистанцировать-

ся от контекста и от отделения от другого» (там же: 73–74).

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОНСТРУКТ ИЛИ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Выше мы уже обратили внимание на напряженные отношения между натуралистически-эссенциалистским и конструктивистским подходом к идентичности. «Если идентичность является судьбой, тогда она часть объективной реальности. Однако если она выбирается, тогда она в первую очередь одна из многих возможностей и как таковая не является пока еще реальной. Если термин “идентичность” используется для выражения человеческой автономии, тогда он реален; если этот дискурс сам по себе кажется сконструированным для автономии человека и для доминирования над другими, тогда идентичность является проектом, а не частью данного мира» (там же: 74).

Формирование идентичности практически всегда является проектом; каждая идентичность всегда содержит элементы конструирования. В жизни человека есть как преемственность, целостность, связность, последовательность, так и разрывы: «Поставить вопрос об идентичности означает оценить какие-либо изменения как способствующие целостности или расколу. Религиозное обращение, например, может значить для кого-то финальную реинтерпретацию собственных... религиозности и духовности, но для кого-то другого это может означать разрыв со всей прежней жизнью и идентичностью. Что-то похожее справедливо для коллективных идентичностей. Наличие какой-либо “объективной” общности людей не даст нам сделать выводы о том, что эти люди считают себя причастными друг другу» (там же: 74).

Эти размышления ведут Вагнера к аргументу о конструировании определенности в социальных науках. Выше утверждалось, что социальные науки склонны преувеличивать как онтологию социальных феноменов, так и их связность и целостность, поскольку это вызывалось требованием не только онтологической, но и эпистемологической определенности. Концепция идентичности играет центральную роль в этом. Идентичность может меньше

характеризовать наблюдаемые социальные феномены (см. выше о трудностях эмпирической оценки идентичности), но дать интерпретацию, которая видит преимущественно их неизменность и долговечность, а не их быстротечность и неустойчивость. Поэтому «идентичность»... является, таким образом, знаком стабильности мира и, косвенным образом, признаком определенности и надежности нашего знания об этом мире» (там же: 74–75). И новые парадигмы пытаются соединить эти два полюса для того, чтобы идентичность, понимаемая в этом двойном смысле, обрела онтологическое значение.

В исследованиях идентичности в социальных науках выделяют три аспекта: «Исследования прошли путь от фокусирования на заранее данный, судьбоносный характер идентичности до возможности выбора идентичности; от признания объективной реальности идентичности до ее конструируемого характера; от подчеркивания приобретения автономии в результате формирования идентичности до внимания к аспектам доминирования» (там же: 75) и различия. Вагнер отмечает, что многие теоретические и эмпирические исследования показали, что надо не переходить от ранних позиций к более поздним, а разрешать возникшие антиномии. Он, как и многие другие, задается вопросом, нужно ли отказаться от концепции идентичности ввиду ее внутренней противоречивости. Их ответ: это нецелесообразно, так как существует то, что описывается этой концепцией, — люди проходят социализацию и приобретают представление о преемственности самих себя; многие люди способны сказать, к каким группам они принадлежат и что у них общего с другими людьми и что отделяет их от других людей. «Персональная и коллективная идентичность существуют» (там же: 75). Более того, идентичность может быть исследована эмпирическим социологическим путем, и результаты исследований ведут не к антропологическим константам или четким разделительным линиям между модерни и не-модерни, а к вариациям возможных форм идентичности: «Идентичности могут быть более стабильными или более неустойчивыми, воспринимаемыми как данность или как

выбор, как укоренными в реальную личность, так и ориентированными на формирование еще не известной личности» (там же: 75).

Именно из-за этой вариативности идентичности подобные исследования показывают, что концепция идентичности должна быть переосмыслена в более широком контексте. Должны быть концептуализации идентичности, выходящие за пределы узкого подхода социальных наук и социальной теории. Более важным, чем изменения в методологии, обобщает Вагнер, является вопрос, почему анализ индивидуальных или коллективных жизненных ориентаций и их социальных условий был ранее назван именем «идентичность». Концепция была заимствована из философских рассуждений, но в то же время ее смысл и охват были значительно изменены без каких-либо объяснений. «Загадка дискуссий об идентичности заключена не в результатах недавних исследований, а в принятии термина и его нынешней защите» (там же: 76). Об этом свидетельствует устойчивость концепции, несмотря на обнаруженные концептуальные недостатки.

ЧТО ЖЕ МОЖНО СКАЗАТЬ

О ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ?

«Если предположения об идентичности как тождественности кажутся бессмысленными на первый взгляд, они приобретают смысл, как только исследователь переходит от вопроса об *имеющейся* идентичности к вопросу о *становящейся* идентичности. <...> Понимание идентичности хотя бы частично как проекта, который будет реализовываться во времени, может оправдать использование этого термина в социальных науках в целом. Фундаментальная проблематика идентичности, как индивидуальной, так и коллективной, раскрывается посредством ее временного измерения... Вопрос о преемственности и целостности идентичности личности относится к биографии, к жизненному циклу. Этот же вопрос, поставленный в отношении коллективности, относится к общей истории, общему опыту» (там же: 77). Этот же вопрос, отнесенный к возможному будущему, говорит о том, что в условиях общего неясного будущего, кризиса ресурсов, проблем с климатом, нелинейной

динамикой развития, турбулентностью, рисками, экономического кризиса, исчезновения многих убежденностей необходимость сохранить Землю, землян, человечество становится надежной перспективой, методологически мало чем отличающейся от возможности сохранить этнос в многоэтнической стране, конфессию в многоконфессиональной, регион в стране, где много по-разному развитых регионов и пр. Это очень важно понять, как предпосылка проекта глобальной идентичности, которая онтологически дана существованием и ценностью существования человечества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Вагнер обращается здесь к английской версии книги Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис». В русском переводе этой книги дается такое определение идентичности: «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности» (Эриксон, 1996: 28).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бенхабиб, С. (2003) Притязания культуры: Развенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос.

Кравченко, С. А. (2007) Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: МГИМО-Университет.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция.

Эриксон, Э. (1996) Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Изд. группа «Прогресс».

Bauman, Z. (2004) Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, UK; Malden, MA : Polity Press.

Hannerz, U. (1992) Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. N. Y. : Columbia University Press.

Robertson, R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone et al. L. : Sage. P. 25-44.

Wagner, P. (1994) A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. L. : Routledge.

Wagner, P. (2001) Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage.

IS GLOBAL IDENTITY EVOLVING OR NOT: METHODOLOGICAL CONSIDERATIONS

N. N. Fedotova

(Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia)

The paper analyzes the prospects of global identity formation, explores the limitations of such a perspective and reveals the dependence of global identity on local cultures. The specificity of the modern process of identity formation is shown.

Keywords: autonomy, selfhood, personal identity, collective identity, contradictions of identity, national identity, global identity, local cultures.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Benkhabib, S. (2003) Prityazaniia kul'tury: Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuu eru / per s angl. pod red. V. L. Inozemtseva. M. : Logos.

Kravchenko, S. A. (2007) Sotsiologiya moderna i postmoderna v dinamicheski meniaiushchemsia mire. M. : MGIMO-Universitet.

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A., Fedotova, N. N. (2008) Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obshchestva. M. : Kul'turnaia revoliutsiia.

Erikson, E. (1996) Identichnost': iunost' i krizis : per. s angl. / obshch. red. i predisl. A. V. Tolstykh. M. : Izd. gruppya «Progress».

Bauman, Z. (2004) Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity Press.

Hannerz, U. (1992) Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. N. Y. : Columbia University Press.

Robertson, R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone et al. L. : Sage. P. 25-44.

Wagner, P. (1994) A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. L. : Routledge.

Wagner, P. (2001) Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage.